

Карина Демина

Ненаследный князь

Ловец бабочек

Книга первая

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Ловец бабочек / К. Демина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 482 с. — (Ненаследный князь).

ISBN 978-5-517-11881-3

Тиха и скучна жизнь в провинции, да только и здесь порой случаются дела престранные. То приворожить воеводу нового пытаются, то головы шлют в коробках, то вовсе Тайная Канцелярия невозможное задумала: с Хольмом если не дружбу завести, то всяко расследование совместное учинить. А то ведь завелся в краях тамошних маниак, смущает умы мирных граждан.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11881-3

© К. Демина, текст, 2025
© Е. Матвеева, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

ГЛАВА 1

В которой происходит некое событие, нарушающее спокойное течение провинциального бытия

*Не надо делать мне как лучше,
верните мне как хорошо!*

Глас вопиющего

Когда в коробке из-под эклеров «Помандурь» обнаружилась голова, Себастьян окончательно и бесповоротно осознал: день не удался.

Событие сие, весьма знаменательное, произошло в десять часов семнадцать минут утра, и свидетелем ему стала панна Гуржакова со своей осемнадцатилетней дочерью, а тако же извечная ее соперница, панна Беялинска, заявившаяся в воеводство сразу с двумя дочерьми. А потому уже к вечеру и о коробке, и о голове, и о многих иных вещах, которых в действительности вовсе не было, знал уже весь город. К утру о происшествии написали в местной газете, именовавшейся гордо «Гласом правды», отчего-то в колонке советов панны Угрик, сразу после рецепта засолки бочковых огурцов...

...а к вечеру обнаружилось и тело.

В Хольме.

И было сие, как оказалось, весьма своевременно...

После, вспоминая события того злосчастливого, а может, наоборот, счастливого — само собою не для головы — дня, Себастьян не мог отрешиться от ощущения, что его предупреждали. И пусть Провидение воздержалось от знаков явных, навроде грома небесного и огненных буковей, которые несколько бы разнообразили скучную серую обстановку рабочего кабинету, но избрало для предупреждения путь извилистый, усыпанный мелкими неприятностями, но внять его гласу следовало. С другой стороны, внимай или нет, но избежать головы и воспоследовавшего ее появлению разбирательства, Себастьян при всем своем желании не сумел бы.

Да и не было у него желания.

Что сказать, Гольчин — городок не то, чтоб маленький, да какой-то тихий, сонный, проникнутый особым духом уездного болота, которое столичному гостю было откровенно мелковато. И если в первые месяцы Себастьян забавлялся, возвращая — а почитай, возрождая — местное воеводство, что за годы под рукой предыдущего воеводы, отправленного сюда в почетную ссылку да по сему поводу предававшемуся печали и винопитию, вовсе захирело. И захиревшее, не желало подчиняться твердой Себастьяновой руке. Да и было то воеводство... так, два старших актора да пятеро младших, престарелый заскучавший ведьмак и штатный некромант, большую часть времени проводивший в опиумных грезах. И отправить бы его, этакого, в отставку, да только воеводству без некроманта вовсе невозможно, а где его взять за те гроши, коии на содержание от казначейства положены?

Нет, с младших акторов Себастьян сонливость согнал.

Старших, мыслями пребывавших в почетной отставке, до которой оба дни считали, в сознание привел. Ведьмака вот трогать не стал, оно ни к чему, старый он аль нет, да оно себе дороже... а вот с некромантом договориться не вышло.

Даже макание в студеную воду и угроза вовсе силу запечатать не помогла.

Как и кляузы в столицу.

Кляузы читали. Пальцем грозили, требуя провести с некромантом воспитательную работу и так, чтобы она работа возымела эффект в виде осознания пагубности опиумной страсти, а заодно уж обещали премию на целителя... правда, где взять такого целителя, который бы за этакую работу взялся, не говорили.

Ничего.

Себастьян пообвыкся.

Присиделся на воеводском месте.

Креслице прикупил, мягкое, с винною кожаной обивкой да золотыми гвоздиками, ибо без золотых гвоздиков воеводе неуместно. Портрет государя, опять же, справил новый, ибо сие по обычаю положено, да и старый, положи руку на сердце, столь мухи засидели, что и понять неможно было, государь на нем намалеван, аль кто иной. А может, не мухи тому виной, но непризнанный гений местечкового живописца, подвизавшегося на малевании парадного портрету. Злые языки баили, что портретов подобных у него цельная мансарда намалевана, что при генеральских регалиях, что при иных парадах, главное, все они статей единых, солидных, и надобно лишь, когда нужда приходит, физию заказчиков изобразить. Врут ли, Себастьян не знал, но после

четвертого портрету, поднесенного «во уважение» — и вправду, не взяткой же новому воеводу кланяться — призадумался, поелику были все портреты, что его собственный, что государев, что наследника, коий имел несчастье посетить Гольчин визитом, одинаково пафосны, полны позолоты и пурпура, а у государя, лик которого с истинным сходство имел весьма слабое, еще и корона возлежала. И держали ее две белых голубки.

— Сие есть аллегория божественной сути власти, — изрек творец, смахнувши верноподданническую слезу. — И миролюбивости нонешнего государя, пусть продлит Вотан годы счастливого его правления...

И вновь слезу смахнул.

Платочком.

Батистовым.

Платочек оный с вышитою в уголочке монограммой, призван был свидетельствовать о тонкости души пана Кругликова, а тако же о трепетности его натуры, которая пребывала в вечном поиске вдохновения и музыки. Муза требовалась не лишь бы какая, но с солидным приданым, а заодно уж приятной наружности и легкого норову. Почему-то среди окрестных девиц, для которых пан Кругликов еще недавно являл собой воплощенную мечту идеального жениха, такой не находилось. То норов крутоват, если не у невесты, то у невестинной маменьки, то приданое для этакого норову маловато, то внешность такова, что никакое воображение не спасет... нет, пан Кругликов не торопился, выбирал... и вот довыбирался.

На нового воеводу, которому был представлен стараниями вдовой генеральши Гуржаковой — женщины в годах, норову боевитого и характеру зловредного — он

глядел с тоской, осознавая, что ничего-то не способен противопоставить этакому... этакому...

Слова подходящего, чтобы воеводу нового описать, пан Кругликов не нашел, но дал себе зарок изобразить его истинную натуру, которая ноне скрывалась за аглицким шерстяным костюмом. Небось, на заказ шитый, ишь как сидит... и рубашка хороша батистовая, брусвяного колеру. И шейный платочек завязан с исключительною небрежностью. Туфли сияют, будто бы ступал воевода не по колдобинам, грязью залитым, но по воде, а то и по воздуху. Главное ж было не в туфлях, Вотан с ними, с туфлями, свой-то пан Кругликов вытер платочком, само собою, не батистовым, койй держал для особых моментов душевного взлету, но обыкновенным, тряпичным... нет, дело было в физии.

Лощеной.

Самодовольной.

В этакую физию бы плюнуть... и пан Кругликов осознал, что муза, покинувшая его еще в далекие студенческие годы, когда сменял он полет вдохновения на звонкую монету, которой платили за малеванных государей, вернулась. В тот же вечер, откланявшись поспешно к вящему удовольствию генеральши и ейной дочери, которая была в отличие от маменьки тиха и дебела, он возвернулся в мастерскую и, скинувши лиловый сюртук — художнику пристала некоторая эксцентричность — взялся за работу.

Он вдохновенно писал всю ночь.

И еще немного утром.

И утомленный, но беспредельно счастливый, уснул лишь в одиннадцатом часу. Мечта плюнуть в физию цельному князю была почти осуществлена, оставалось дожидаться, когда она физия, изображенная — тут бы

и сам князь не стал отрицать очевидного — с немалым талантом, высохнет...

...после пан Кругликов не единожды встречал тайного врага своего — тайной это было прежде всего для самого Себастьяна — и убеждаясь, что оный враг нисколько не утратил статей, возвращался на мансарду, где, устраиваясь перед портретом, в выражениях витиеватых и изысканных хулил воеводу. Монологи сии, следовало признать, давали ему не только немалое успокоение, но и некое не совсем понятное, но все же приятное, пану Кругликову чувство собственной значимости...

Впрочем, в тот злосчастный день мысли пана Кругликова всецело занимала панночка Вересовская, особа не сказать, чтобы молодая — намерении исполнилось ей двадцать четыре годочка, что по меркам провинциальным для девицы незамужней было непозволительно много. К событию сему, для самой именинницы безрадостному, и был заказан парадный портрет. В процессе созидания оного — весьма длительном, ибо в кои-то веки решился пан Кругликов отступить от заведенного шаблона — и пришло осознание, что зрит он пред собой именно музу, коию столь безуспешно искал прежде.

Была панна Верескова мила, наружностью обладала приятственной, пусть и несколько портил оную выдающийся нос. Голос имела тихий, норов — незлобивый. А паче всего являлась она единственною сестрою весьма состоятельного купца, который... Впрочем, о брате она говорила нехотя, как и об обстоятельствах, приведших ее в Гольчин.

Пан Кругликов не настаивал. Мало ли у кого и какие тайны имеются. Он и сам-то...

— Вы с ним знакомы? — тихим голосом поинтересовалась как-то Агнешечка и покраснела премило. — С воеводой? О нем только и говорят... он такой...

Она запнулась.

А в груди пана Кругликова вскипел гнев.

До чего жизнь несправедлива! Живешь тут, живешь... годами обхаживаешь, что купчих, что генеральш, что иных особ владетельных, а значит, норову дурного и спеси неимоверное, ищешь себе партию подходящую.

И найдешь ведь.

И ухаживать начнешь — пан Кругликов уже и стихи собственного сочинения зачел, и букет преподнес цветов полевых, и даже обещался бесплатно миниатюру изобразить — но появится хлыщ столичный и все...

— Он вам нравится? — пан Кругликов замер, кисть в руке его дрожала, грозя попортить портрету, которая была почти уже закончена. И пожалуй, не считая того, тайного, о существовании которого пан Кругликов никому не рассказывал, она портрета была лучшей, из написанных им в последние годы. На ней панночка Верескова гляделась юною и прозрачною, будто нимфея.

— Не знаю, — молвила она со вздохом. — Мне просто интересно... понимаете, я никуда не выхожу... даже к вам... я никому не говорила... просто вот... мы познакомились и... а о нем говорят... но...

— Вертопрах, — пан Кругликов почувствовал, как в груди его рождается огонь надежды. — Он несерьезен... и женщин не уважает.

— Да?

Глаза у Агнешки были темны, что омуты... ресницы длинны... и взгляд! О, сколь многое увидел пан Кругликов в этом взгляде.

— Я сам слышал, как говорил он, что местные девицы совсем стыд потеряли. Ни вдохнуть, ни выдохнуть...

Он решился и кисть отложил.

И сделал шаг.

Руку протянул дрожащую.

— В тот миг, когда узрел я вас, — слова слетели с губ, а сердце застучало быстро, безумно, — я осознал, что жил во тьме... и лишь с вами свет счастья возможен. Пусть я не князь...

Панна Верескова сложила ручки на пышной груди, стесненной поплиновым платьем.

— Пусть я не столь богат... не столь уж и знаменит, но я желаю составить вам счастье... будьте моею женой, Агнешка!

Так он именовал ее в мечтах, и произнесши имя вслух, вдруг поверил сам, что все отныне возможно. А она, подобрав пышные юбки, молвила:

— Вы... вы меня смущаете...

— Прошу... умоляю вас... не отвергайте страждущего... дайте хотя бы надежду малую... обещайте подумать...

— Мне нет нужды думать, — она ответила робкою улыбкой, которая преобразила нехорошее ее лицо, сделав Агнешку почти красивой. — Я знаю ответ... я согласна...

...пан Кругликов понял, что еще немного и он умрет от счастья.

И не ошибся.

Правда, умер он вовсе не от счастья...

...в тот самый день панна Гуржакова встала с ясным осознанием своей правоты. Впрочем, сие было для нее привычно, ибо ситуации, когда она, Аделия Гуржакова,